

«А человек — иль не затем он, / Чтобы забыть его могли», — вопрошал Владислав Ходасевич в стихотворении «Гостю» в 1921 году. Нет, не затем, — уверенно ответили спустя почти столетие, в 2012 году — Ирина Медведева, журналист, президент Фонда памяти Ильи Тюриня, и поэт, критик Борис Кутенков, авторы идеи литературных чтений памяти поэтов, ушедших молодыми в 90-е и 2000-е. Как объяснили организаторы, популяризацию стихов коллег, рано умерших и не имеющих возможности заявить о себе, они считают наиболее достойным из всего, что можно сделать для них, и — более того — своим долгом перед покойными братьями.

Идея имела большой резонанс ещё до официального объявления. Стоило написать пост в «Живом Журнале», и общественность всколыхнулась, начав «забрасывать» организаторов именами отвечающих «формату» молодых поэтов. «Даже страшно, сколько молодых талантливых людей ушло в это время из жизни», — была грустно удивлена Ирина Медведева.

Вспоминается фильм «Общество мёртвых поэтов» — впрочем, вовсе не о поэтах. Но судьба одного из героев — юного талантливого Нила-самоубийцы — точно укладывается в проблематику чтений «Они ушли».

Они остались» (название было придумано Евгением Степановым — так называется выпущенная им антология стихов ушедших поэтов), прошедших на трёх московских площадках. Смерть Нила в фильме ужасно пугает и заставляет о многом задуматься. Тем смелее кажется поступок организаторов и «идеологов» чтений — они просто взяли и собрали разом тридцать трёх мёртвых поэтов, чтобы те смогли на время ожить и заговорить с нами и друг с другом. Заговорить голосами своих стихов, напомнить нам об искажённых линиях жизни, о том, как это несправедливо — умереть молодым. Много самоубийств, много несчастных случаев, много непонимания и страха, много несправедливого — и вот всё это разом обрушивается на нас. Смерть пугает. Смерть молодых ужасает. Смерть молодых и талантливых ранит.

Но помимо тягостного и тяжёлого ощущения, естественного для такой темы, слушатели и выступающие испытывали и катарсис, чувства обострялись, хотелось жить, жить и жить. Удивительное впечатление — организаторы, кажется, сами не ожидали, насколько эта ситуация, когда живые поэты рассказывают о тех, кто ушёл, и ушёл рано, затронет чувства всех присутствующих. Интересно и то, что три вечера в трёх разных местах были объединены только темой — настолько разными они получились по атмосфере и обстановке.

Открылись чтения «Они ушли. Они остались» в Литературном музее, большой зал которого был переполнен. Вечер получил мистическую окраску — как того и боялись организаторы и участники, слишком уж страшно приближаться вплотную к миру мёртвых. Хлопали окна, терялись листочки с текстами, люди застревали в лифте. Начали издалека, чтобы подготовить, приблизить к тяжёлой теме, с давно ушедших: Рембо, Маяковского, Лермонтова. Поэт и критик Людмила Вязмитинова напомнила гостям

о тайне, закрытой обычно на замочек в подсознании: поэт — человек повышенного риска, творчество вообще дело рискованное. Кирилл Ковальджи пытался рассказывать о Борисе Рыжем, но сбивался на общую проблему, которую ни обойти, ни объехать: всё-таки так получается, что поэтов убивает время.

Второй день прошел в Литературном институте прямо на поэтическом семинаре Галины Ивановны Седых. Сначала казалось, что гости не туда попали, — спрашивали, где журнал, выкликали студентов, искали старосту. Но потом Седых стала рассказывать о череде литинститутских смертей, свидетельницей которых она была. За ней рассказали о «своих» поэтах другие выступающие. Спорили, вспоминали детали, подробности. Невероятного накала речь произнесла Наталья Попова о своём однокурснике Константине Радзиевском — удивительная сила дружбы, великой воли человек, изгибы линии жизни которого не менее поэтичны и ярки, чем собственно творчество. В целом этот второй день запомнился атмосферой домашней, почти поминальной — вот где точно неуместен был термин «доклад», вполне органичный в день первый. И тонкую ноту нежности добавила одна из ведущих вечера поэтесса Марья Куприянова — с лёгкими, простыми интонациями она читала стихи, напоминая ту самую девочку в белом луче, что пела о всех ушедших.

Третий день собрал поменьше людей — примерно поровну зрителей и докладчиков доехало до Библиотеки им. Лермонтова в Сокольниках. Тихий район с кирпичными домиками, тихий зал, дрожащие руки и снова стихи и рассказы. Михаил Свищёв вспоминал об Алексее Александрове так, будто он не просто жив, но и вот-вот войдёт в эту дверь. Андрей Чемоданов тихо и сердито сказал о времени, о нашем времени, в котором мы все выжили — а они нет. Несколько слов реквиема о тех, кого

непросто было бы представить сегодня с планшетом или айфоном в руке, в этой всепоглощающей гонке за земными материями.

Было много воспоминаний, размышлений о жизни и смерти человека творческого, с оголённой нервной системой, были и споры с творчеством, попытки анализа — всё-таки главное-то, главное осталось от них, их строки, их слова, их стихи. Личность докладчика здесь выступала проводником, и от него зависело, как он представит поэта, с чем познакомит — больше с творчеством или с человеком, с судьбой или временным срезом. Широкий тематический, эмоциональный, личностный диапазон стал «изюминкой» чтений.

Поскольку подобное мероприятие проводилось впервые, по окончании за чаем с печеньем прозвучало много вопросов, сомнений, предложений. Слышался и упрёк: «Что это — чтения или поминки?» Кажется, получилась некая мистическая смесь — да, это были и чтения, и, безусловно, поминки. Но люди записывали имена понравившихся поэтов в блокноты, а значит, первая и главная цель всё-таки была достигнута: донести до читателя поэзию тех, кто рано ушёл и больше не может сам о себе заявить.

В следующем году, учтя полученный опыт и лучше осознавая, в какие зыбучие пески они вступают, организаторы немного изменили правила, и чтения прошли иначе, произвели более сильное впечатление.

В этот раз преобладали рассказы друзей и родственников, а значит, стрелка сдвинулась ближе к личному — к воспоминаниям о том, каким был прежде всего человек, а не поэт. Лола Звонарёва сделала вступительный доклад о теме смерти в стихах ныне живущих поэтов. Наталия Черных рассказала об Анастасии Харитоновой, Руслан Комадей о «странном» екатеринбургском поэте Сандро Мокше, Алиса Орлова

об Алексее Машенцеве, Света Литвак об Игоре Юганове, и это не полный список. Ушедший в 2001 году Руслан Элинин, о котором вспоминала Людмила Вязмитинова, был инициатором создания клуба «Классики XXI века». Разбирая пожелтевшие хрупкие бумажки с отпечатанным на машинке текстом, Людмила читала стихи Руслана, полные тонкого юмора и похожие на его улыбку, чёрно-бело глядевшую с экрана: *«Белого не хочется вина/ Красного не хочется вина/ Но надеюсь к вечеру пройдет...»*

Необычный тон выбрала Дана Курская, рассказывая об ушедшем друге Сергее Арешине, — по рядам даже прокатывался смех. Она говорила о нём, общалась с ним, ругалась на него как на живого: «Арешин, зла на тебя не хватает, это такая глупость — то, что ты сделал». Поэт повесился. Выступления сливались в одно, растущее, как снежный ком, чувство утраты, как будто каждый из сидящих в зале переживал личную потерю. Сотрудница библиотеки Литературного института, когда всё закончилось, спросила, не обращаясь ни к кому конкретно: *«Зачем вы умираете, такие молодые?»*

В Литературном музее в Трубниковском переулке собрались те, кто не смог выступить в предыдущий день, что усилило шок: потрясённым слушателям довелось узнать разом о смерти почти двадцати поэтов. Критик и публицист Лев Аннинский в своём докладе пытался разобраться, почему судьба поэта часто трагична, обратившись при этом к другим поколениям: говорил о Марине Цветаевой, Александре Яшине и Веронике Тушновой, то ли стирая временные границы между поэтами разных эпох, то ли протягивая нить от начала прошлого века к началу нынешнего. Рассказы Руслана Комадея о малоизвестном уральском поэте Григории Алексееве, Елены Пестеревой — о львовской школе и Игоре Буренине, Сергея Криницына — о коллеге по студии Алексее Ильичёве, жившем в Петербурге

и погибшем в возрасте двадцати пяти лет, Валерия Бакирова — о рижском поэте Олеге Золотове, и другие доклады этого дня показали, насколько широка география русскоязычных поэтов.

Заключительный день чтений, как и в прошлом году, прошёл в Лермонтовской библиотеке, что символично — ведь и Михаил Лермонтов погиб молодым, и, по странному совпадению, многие из тех, о ком шла речь, тоже ушли в возрасте двадцати семи лет. Философский настрой был задан эмоциональным докладом поэта Виктора Куллэ, посвящённым проблеме очень личных взаимоотношений поэта со смертью.

Искусство — всегда дискомфорт, в отличие от цивилизованного состояния обывателя, ищущего комфортного существования. Такое отношение к жизни — с привкусом надвигающейся смерти — «упирается в посмертное торжество текста над автором», размышлял Куллэ. Поднявшийся следом на сцену поэт Кирилл Ковальджи, чей рассказ был посвящён Леониду Шевченко, подметил, что поэтов нынче не убивают на дуэлях и не расстреливают в застенках, но многие всё равно уходят из жизни рано и трагически. «Справляются сами», — горько сыронизировала Ирина Медведева. Среди причин смерти поэтов сегодня — автокатастрофы, пожары и другие несчастные случаи, проблемы с алкоголем, болезни, наконец, самоубийства. Ковальджи заметил, что у таких людей «дьявольская интуиция» — незадолго до смерти они работают особенно продуктивно, на износ, как будто чувствуют стремительно уходящее от них время. В этот день среди прочих вспоминали Андрея Тимченова (Елена Шерстобоева воспользовалась «украденным правом рассказать о поэте» — многие выступавшие, кто знал шапочно или не знал своего героя вовсе, чувствовали то же самое). Андрей Чемоданов теребил совсем свежую

рану, рассказывая о своём друге Павле Белицком, ушедшем в начале осени. Стас Нестерюк вспоминал друга Сергея Казнова, Виктор Куллэ — Дениса Новикова, Мария Малиновская рассказывала об Илье Тюрине, ушедшем девятнадцатилетним, но оставившем впечатляющее наследие.

Многие обращали внимание на пророческие строки в стихах ушедших поэтов — что это, предчувствие, или, как предположила Дана Курская, цитируя Ницше, «если ты пристально вглядываешься во что-то, то оно начинает вглядываться в тебя»? Смерть ищет поэтов или поэты невольно призывают смерть? Правда ли, что «поэзия находится там, где человека нет» (мысль, высказанная Ильей Тюриным), и потому поэт ближе к миру мёртвых, чем к миру живых — по сути своей?

А после чтений в Лермонтовке сдвигали пластмассовые стаканчики, пили за ушедших, как за живых. В наших силах сделать так, чтобы они оставались с нами, и мы будем выкликать их из темноты, читать их неумирающие строки. Помните о том, что смертны. Не забывайте мёртвых.